

ФРИДРИХ
ЭНГЕЛЬС

АНТИ-ДЮРИНГ

*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)</i>	3
<i>Предисловия Энгельса к трем изданиям</i>	5
Введение	
I. Общие замечания	16
II. Что обещает г. Дюринг	28
Отдел первый. ФИЛОСОФИЯ.	
III. Подразделение. Априоризм	33
IV. Мировая схематика	39
V. Натурфилософия. Время и пространство	44
VI. Натурфилософия. Космогония, физика, химия	53
VII. Натурфилософия. Органический мир	63
VIII. Натурфилософия. Органический мир (окончание)	72
IX. Мораль и право. Вечные истины	79
X. Мораль и право. Равенство	90
XI. Мораль и право. Свобода и необходимость	101
XII. Диалектика. Количество и качество	112
XIII. Диалектика. Отрицание отрицания	121
XIV. Заключение	134
Отдел второй. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.	
I. Предмет и метод	137
II. Теория насилия	148
III. Теория насилия (продолжение)	155
IV. Теория насилия (окончание)	163
V. Теория стоимости	173
VI. Простой и сложный труд	184
VII. Капитал и прибавочная стоимость	189
VIII. Капитал и прибавочная стоимость (окончание)	198
IX. Естественные законы хозяйства. Земельная рента	208
X. Из «Критической истории»	214

Отдел третий. СОЦИАЛИЗМ.

I. Исторический очерк	240
II. Очерк теории	251
III. Производство	269
IV. Распределение	282
V. Государство, семья, воспитание	297

Приложения:

Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». — О диалектике	309
Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу»	317
Тактика пехоты и ее материальные основы	342
Примечания к «Анти-Дюрингу»	349

<i>Предметный указатель</i>	359
---------------------------------------	-----

<i>Именной указатель</i>	371
------------------------------------	-----

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

АНТИ-ДЮРИНГ

**ПЕРЕВОРОТ В НАУКЕ,
ПРОИЗВЕДЕННЫЙ
ГОСПОДИНОМ
ЕВГЕНИЕМ ДЮРИНГОМ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

1 9 5 0

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

Книга Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», или «Анти-Дюринг», принадлежит к числу крупнейших произведений основоположников научного коммунизма. В этой книге, говорит Ленин, «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук... Это удивительно содержательная и поучительная книга»¹.

В основу настоящего издания «Анти-Дюринга» было положено третье издание этой книги на немецком языке². Проверка десятой главы отдела «Политическая экономия», написанной Марксом, производилась по находящейся в ИМЭЛ фотокопии рукописи Маркса.

Весь текст дан в заново проверенном и переработанном переводе. Предшествующие русские издания «Анти-Дюринга» (в том числе изд. 1931 г. — в т. XIV Сочинений Маркса и Энгельса — и изд. 1938 г.) содержали ряд серьезных ошибок, которые необходимо было устранить.

На протяжении всего текста проведена терминология, которая дана Лениным в его работах. Те места из «Анти-Дюринга», которые цитируются Лениным, включены в текст в ленинском переводе.

Основное название книги — «Анти-Дюринг» — соответствует ее названию в переписке Энгельса и наиболее часто встречающемуся наименованию этой книги у Ленина.

В приложениях к книге даны: избранные отрывки из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу», старое предисловие, отнесенное Энгельсом впоследствии к материалам подготовлявшегося им труда «Диалектика природы», и «Примечания» Энгельса к «Анти-Дюрингу».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 11.

² «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft» von Friedrich Engels. Dritte, durchgesehene und vermehrte Auflage. Stuttgart. Verlag von J. H. W. Dietz. 1894.

В настоящем издании впервые публикуются на русском языке статья Энгельса «Тактика пехоты и ее материальные основы» и некоторые новые отрывки раздела «Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу»». Наиболее важные формулировки из чернового наброска «Введения» приведены в настоящем издании, в соответствующих местах «Введения», в виде примечаний.

Текст «Приложений» заново проверен и уточнен по фотокопиям рукописей Энгельса.

Добавления, внесенные Энгельсом в те главы книги, из которых он составил брошюру «Развитие социализма от утопии к науке», заключены в настоящем издании в квадратные скобки.

Настоящее издание подготовлено *И. И. Прейсом* под редакцией *В. М. Познера*.

ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРЕМ ИЗДАНИЯМ

1

Предлагаемая работа отнюдь не есть плод какого-либо «внутреннего побуждения». Напротив.

Когда три года тому назад г. Дюринг, в качестве адепта социализма и одновременно его реформатора, внезапно бросил вызов своему веку, мои друзья в Германии стали обращаться ко мне с настойчивой просьбой, чтобы я критически осветил новую социалистическую теорию в тогдашнем центральном органе социал-демократической партии — «Volksstaat». Они считали это крайне необходимым, чтобы не дать молодой и только недавно окончательно объединившейся партии нового повода к сектантскому расколу и к замешательству. Они могли лучше, чем я, судить о положении дел в Германии; я был обязан, следовательно, верить им. При этом оказалось, что новообращенный был принят одной частью социалистической печати с сердечностью, которая, правда, относилась только к доброй воле г. Дюринга, но в то же время давала основания думать, что эта часть партийной прессы не прочь, именно ввиду доброй воли г. Дюринга, заодно принять на веру и дюринговскую доктрину. Нашлись даже люди, которые уже готовились распространять эту доктрину в популярной форме среди рабочих. И, наконец, г. Дюринг и его маленькая секта пустили в ход все ухищрения рекламы и интриги, чтобы принудить «Volksstaat» занять решительную позицию по отношению к выступившему с такими громадными претензиями новому учению.

Несмотря на все это, прошел целый год, пока я мог решиться отложить в сторону другие работы и приняться за этот кислый плод. А плод этот был такого свойства, что, отведав его, пришлось поневоле съесть его целиком. К тому же он был не только очень кислый, но и изрядной величины. Новая социалистическая теория выступила как конечный практический

результат некоторой новой философской системы. Нужно было поэтому исследовать ее во внутренней связи этой системы, а значит подвергнуть разбору и самую эту систему. Нужно было последовать за г. Дюрингом в ту обширную область, где он толкует обо всех возможных вещах и еще кое о чем сверх того. Так возник ряд статей, которые печатались с начала 1877 г. в лейпцигском «Vorwärts'e», преемнике «Volksstaat'a», и предлагаются здесь в связном виде.

Таким образом, характер самого предмета принудил критику к такой обстоятельности, которая крайне непропорциональна научному содержанию этого предмета, т. е. содержанию сочинений г. Дюринга. Впрочем, еще два других соображения могут оправдать эту обстоятельность. С одной стороны, она дала мне возможность в положительной форме развить в весьма различных затрагиваемых здесь областях знания мое понимание спорных вопросов, имеющих в настоящее время общий научный или практический интерес. Это имело место в каждой отдельной главе, и как бы мало это сочинение ни преследовало цель противопоставить «системе» г. Дюринга другую систему, все же, надо надеяться, от читателя не ускользнет внутренняя связь в выдвинутых мной воззрениях. У меня уже теперь имеется достаточно доказательств, что в этом отношении мой труд не оказался совершенно бесплодным.

С другой стороны, «системосозидающий» г. Дюринг не представляет собой единичного явления в современной немецкой действительности. С некоторых пор системы космогонии и натур-философии вообще, системы политики, политической экономики и т. д. растут в Германии, как грибы после дождя. Самый ничтожный доктор философии, даже студент, не возьмется за что-либо меньшее, чем создание целой «системы». Подобно тому как в современном государстве предполагается, что каждый гражданин способен судить обо всех тех вопросах, по которым ему приходится подавать свой голос; подобно тому как в политической экономике исходят из предположения, что каждый потребитель является основательным знатоком всех тех товаров, которые ему приходится покупать для своего жизненного обихода, — подобно этому считается, что и в науке следует придерживаться такого же предположения. Свобода науки означает, что люди пишут обо всем, чего они не изучали, и это выдается за единственный строго научный метод. А г. Дюринг представляет собой один из характернейших типов этой заносчивой лженауки, которая в наши дни в Германии повсюду лезет на передний план и все заглушает громом своего высокопарного пустозвонства. Высокопарное пустозвонство в поэзии, в философии, в политике, в политической экономике, в исторической науке, пустозвонство с кафедры и трибуны, пустозвонство везде, высокопарное пустозвонство с претензией на превосходство

и глубокомыслие, в отличие от простого плоско-вульгарного пустозвонства других наций, высокопарное пустозвонство как характернейший и наиболее массовый продукт немецкой интеллектуальной индустрии, с девизом: «дешево, да гнило», — совсем как другие немецкие фабрикаты, рядом с которыми оно, к сожалению, не было представлено на Филадельфийской выставке. Даже немецкий социализм, — особенно со времени благого примера, поданного г. Дюрингом, — весьма усердно промышляет в наши дни высокопарным пустозвонством и выдвигает разных субъектов, кичащихся «наукой», в области которой они «действительно ничему не научились». Мы имеем здесь дело с детской болезнью, которая свидетельствует о начинающемся переходе немецкого студюоза на сторону социал-демократии, и хотя эта болезнь неотделима от данного процесса, но наши рабочие при своей замечательно здоровой натуре несомненно ее преодолеют.

Не по моей вине я вынужден был следовать за г. Дюрингом в такие области, где в лучшем случае могу выступать лишь в качестве дилетанта. В таких случаях я по большей части ограничивался тем, что противопоставлял ложным или превратным утверждениям моего противника верные и неоспоримые факты. Так я поступал в юридической области и в некоторых вопросах естествознания. В других случаях дело шло об общих воззрениях, относящихся к теоретическому естествознанию, следовательно, дело шло о той сфере, в которой и специалист-естествоиспытателю приходится выходить за рамки своей специальности и переходить в смежные области, где, по признанию г. Вирхова, он, этот специалист, является таким же «полузнайкой», как и прочие смертные. Надеюсь, что к небольшим неточностям и недочетам в изложении отнесутся с тем же снисхождением, которое принято в таких случаях среди представителей различных специальностей.

Когда я заканчивал это предисловие, мне попало на глаза составленное г. Дюрингом объявление книгоиздательства о выходе в свет нового «руководящего» сочинения г. Дюринга «*Neue Grundgesetze zur rationellen Physik und Chemie*»¹. Вполне сознавая недостаточность своих знаний в области физики и химии, я все же думаю, что знаю достаточно нашего г. Дюринга, и потому, даже не видя названного сочинения, могу предсказать, что установленные в нем «законы» физики и химии по своей ошибочности или тривиальности достойны того, чтобы занять место рядом с прежними законами политической экономии, мировой схематики и т. д., открытыми г. Дюрингом и разобранными в моем сочинении, и что сконструированный г. Дюрингом

¹ «Новые основные законы рациональной физики и химии». *Ред.*

«ригометр», или инструмент для измерения очень низких температур, послужит не для измерения температур, высоких или низких, а единственно только для измерения невежественной заносчивости г. Дюринга.

Лондон, 11 июня 1878 г.

II

Для меня явилось неожиданностью, что настоящее сочинение должно выйти новым изданием. Объект его критики в настоящее время почти что забыт; само оно не только печаталось частями для многих тысяч читателей в лейпцигском «Vogwärt's» за 1877 и 1878 гг., но появилось и отдельным изданием в большом количестве экземпляров. Кого же еще может интересовать то, что я писал несколько лет назад о г. Дюринге?

В первую очередь я обязан этим, надо полагать, тому обстоятельству, что это произведение было тотчас после издания исключительного закона против социалистов запрещено в Германии, как и все почти другие мои сочинения, находившиеся еще тогда в обращении. Для всякого, кто не закоснел окончательно в наследственных бюрократических предрассудках стран Священного союза, было ясно, каков будет результат этой меры: двойной и тройной сбыт запрещенных книг, выставяющий напоказ бессилие берлинских господ, которые, издавая запрещения, не могут проводить их в жизнь. В самом деле, благодаря любезности имперского правительства мои небольшие работы появляются в большем количестве изданий, чем я могу осилить; у меня нет времени просматривать как следует их текст, и я принужден большей частью просто перепечатывать их.

К этому присоединяется еще другое обстоятельство. Разобранная здесь «система» г. Дюринга охватывает очень широкую теоретическую область, и это вынудило и меня следовать за ним повсюду и противопоставлять его взглядам свои собственные. Отрицательная критика стала благодаря этому положительной; полемика превратилась в более или менее связанное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляемых Марксом и мной, — изложение, охватывающее притом довольно много областей знания. Это наше мировоззрение, впервые выступившее перед миром в «*Misère de la Philosophie*»¹ Маркса и в «Коммунистическом Манифесте», пережило более чем двадцатилетний инкубационный период, пока с появлением «Капитала» оно не стало захватывать с возрастающей быстротой все более и более широкие круги. В настоящее время оно вызывает к себе большое внима-

¹ «Нищета философии». Ред.

ние и имеет последователей далеко за пределами Европы, во всех странах, где, с одной стороны, имеются пролетарии, а с другой — бесстрашные ученые-теоретики. Таким образом, существует, повидимому, публика, интересующаяся вопросом настолько, чтобы ради положительного содержания книги примириться с полемикой против дюринговских положений, которая теперь стала уже во многих отношениях беспредметной.

Замечу мимоходом, что так как излагаемое в настоящей книге мировоззрение в значительнейшей своей части было основано и развито Марксом и только в самой незначительной части мной, то само собой разумелось, что это мое сочинение не могло появиться без его ведома. Я прочел ему всю рукопись перед тем, как отдать ее в печать, а 10-я глава отдела, трактующего о политической экономии («Из критической истории»), написана Марксом, и только по внешним соображениям мне пришлось, к сожалению, несколько сократить ее. Таков уж был издавна наш обычай: помогать друг другу в специальных областях.

Настоящее новое издание представляет собой, за исключением одной главы, перепечатку — в неизменном виде — первого издания. С одной стороны, у меня не было времени для основательного пересмотра его, как бы я сам ни желал изменить кое-что в изложении. Дело в том, что на мне лежит долг подготовить к печати оставшиеся рукописи Маркса, а это гораздо важнее, чем все прочее. Кроме того, совесть моя восстает против каких-либо изменений текста. Сочинение мое — полемическое, и я думаю, что по отношению к своему противнику я обязан не исправлять ничего, раз он ничего не может исправить. Я мог бы только претендовать на право выступить с возражениями на ответ г. Дюринга. Но я не читал и без особой надобности не стану читать того, что г. Дюринг писал против моей полемики: теоретические счеты с ним я покончил. Впрочем, я тем более должен соблюдать по отношению к нему все правила чести, принятые в литературной борьбе, что уже после издания моей книги берлинский университет поступил с ним постыдно несправедливо. Правда, университет был за это достаточно наказан. Университет, который идет на то, чтобы, при известных всем обстоятельствах, лишить г. Дюринга свободы преподавания, не вправе удивляться, если ему, при столь же известных всем обстоятельствах, навязывают г. Швенингера.

Единственная глава, в которой я себе позволил сделать добавления пояснительного характера, это вторая глава третьего отдела: «Очерк теории». Здесь, где речь идет исключительно об изложении основного ядра защищаемого мной воззрения, мой противник не может сетовать на меня за то, что я старался писать более популярно и делал дополнения для большей связи. К тому же для этого оказался и внешний повод. Три главы

книги (первую главу «Введения» и первую и вторую главы третьего отдела) я переработал в самостоятельную брошюру для моего друга Лафарга, с тем чтобы издать ее во французском переводе, и после того как французское издание послужило основой для итальянского и польского, я выпустил немецкое издание под названием «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft»¹. Эта брошюра в течение нескольких месяцев выдержала три издания и появилась также в русском и датском переводах. Во всех этих изданиях дополнена была только одна указанная глава, и было бы педантизмом с моей стороны при новом издании оригинала связывать себя первоначальным текстом, раз существует позднейший текст его, ставший международным.

Но, кроме того, мне хотелось бы еще сделать изменения главным образом в двух пунктах. Во-первых, в отношении первобытной истории человечества, ключ к пониманию которой Морган дал нам только в 1877 г. Но так как я с тех пор имел случай в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Цюрих 1884) использовать ставший мне доступным за это время материал, то достаточно будет указания на эту более позднюю работу.

Во-вторых, хотелось бы изменить ту часть, которая трактует о теоретическом естествознании. Здесь царит большая тяжеловесность в изложении, и многое можно было бы выразить в настоящее время более ясно и определенно. И если я не считаю себя вправе вносить в данном случае улучшения, то тем самым я обязан подвергнуть здесь самого себя критике.

Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории. Но для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием. Маркс был основательным знатоком математики, но естественными науками мы могли заниматься только нерегулярно, урывками, спорадически. Поэтому, когда я, покинув коммерческую контору и переселившись в Лондон, приобрел необходимый для этого досуг, то, насколько это было возможно, подверг себя в области математики и естествознания процессу полного «линяния», как выражается Либих, и в течение восьми лет затратил на это большую часть своего времени. Как раз в самый разгар этого процесса мне пришлось заняться так называемой натурфилософией г. Дюринга. Вполне естественно поэтому, если мне иной раз не удавалось подобрать надлежащего технического выражения и если я вообще с некоторой неловкостью ориентировался в области

¹ «Развитие социализма от утопии к науке». Ред.

теоретического естествознания. Но, с другой стороны, сознание своей неуверенности, которую мне не удалось тогда еще преодолеть, сделало меня осторожным; никому не удастся найти у меня действительных прегрешений против известных в то время фактов, а также и неправильностей в изложении принятых в то время теорий. В этом отношении только один непризнанный великий математик письменно жаловался Марксу, будто я дерзновенно затронул честь $\sqrt{-1}$.

Само собой разумеется, что при этом подытоживании моих занятий в области математики и естественных наук дело шло о том, чтобы и на частностях убедиться в той истине, которая в общем не вызывала у меня никаких сомнений, а именно, что в природе оквозь хаос бесчисленных изменений пробивают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий, — те самые законы, которые, проходя красной нитью и через историю развития человеческого мышления, постепенно доходят до сознания мыслящих людей; законы эти были впервые развиты всеобъемлющим образом, но в мистифицированной форме, Гегелем. И одним из наших стремлений было извлечь их из этой мистической формы и ясно представить во всей их простоте и всеобщности. Само собой разумеется, что старая натурфилософия, — как бы много действительно хорошего в ней ни было и сколько бы благотворных зачатков она ни содержала¹, — не

¹ Гораздо легче вместе со скудоумной посредственностью, на манер Карла Фогта, обрушиваться на старую натурфилософию, чем оценить ее историческое значение. В ней много нелепостей и фантастики, но не больше, чем в современных ей нефилософских теориях естествоиспытателей-эмпириков, а что она заключала в себе много осмысленного и разумного, это начинают понимать с тех пор, как стала распространяться теория эволюции. Так, Геккель с полным правом признал заслуги Тревирануса и Окена. Окен в своей концепции первичной слизи и первичного пузырька выставляет в качестве постулата биологии то, что было потом действительно открыто как протоплазма и клетка. Что касается специально Гегеля, то он во многих отношениях стоит гораздо выше современных ему эмпириков, которые думали, что объяснили все необъясненные еще явления, подставив под них какую-нибудь силу — силу тяжести, плавательную силу, электрическую контактную силу и т. д., или же, где это никак не подходило, какое-нибудь неизвестное вещество: световое, тепловое, электрическое и т. д. Эти воображаемые вещества теперь можно считать устаревшими, но та спекуляция силами, против которой боролся Гегель, появляется как забавный призрак, например, еще в 1869 г. в инсбрукской речи Гельмгольца (*Helmholtz, Populäre Vorlesungen*, II: Heft, 1871, S. 190) [*Гельмгольц, Популярная лекция, 2-я тетрадь, 1871, стр. 190. Ред.*]. В противовес унаследованному от французов XVIII века обожествлению Ньютона, которого Англия осыпала почестями и богатством, Гегель утверждал, что Кеплер, которому Германия дала умереть с голоду, является настоящим основателем современной небесной механики и что ньютонов закон тяготения уже содержится во всех трех законах Кеплера, а в третьем выражен вполне определенно. То, что Гегель доказывает в своей *Naturphilosophie* [*«Философия природы»*, Ред.] § 270 и добавления (Hegels Werke, 1842, VII. Band, S. 98 u. 113—115) [Соч.

могла нас удовлетворить. Как это более подробно доказывается в настоящей книге, натурфилософия, особенно в ее гегелевской форме, грешила в том отношении, что она не признавала у природы никакого развития во времени, никакого следования одного за другим, а признавала только сосуществование одного рядом с другим. Такой взгляд коренился, с одной стороны, в самой системе Гегеля, которая приписывала прогрессивное историческое развитие только «духу», с другой же стороны — в тогдашнем общем состоянии естествознания. Таким образом, Гегель в этом случае оказался значительно позади Канта, который своей небулярной теорией уже выдвинул положение о возникновении солнечной системы, а открытием замедляющего влияния морских приливов на вращение земли указал на неизбежную гибель этой системы. Наконец, для меня дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы отыскать их в ней, вывести их из нее.

Однако выполнить это систематически и в каждой отдельной области представляет гигантский труд. А область, которую приходится исследовать, почти необъятна, и к тому же само естествознание переживает здесь такой грандиозный процесс преобразования, что за ним вряд ли мог бы уследить даже тот, кто располагает для этого всем своим свободным временем. Между тем, с тех пор, как умер Карл Маркс, все мое время было поглощено более настоятельными обязанностями, и я должен был потому прервать свою работу в области естествознания. В данный момент я вынужден ограничиться набросками, содержащимися в предлагаемой работе, и ждать в будущем случая, который позволил бы мне собрать и опубликовать добытые результаты, — быть может, вместе с оставшимися после Маркса рукописями по математике, имеющими в высшей степени важное значение.

Но может статься, что прогресс теоретического естествознания сделает мой труд, в большей его части или целиком, излишним, так как революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накапливающихся чисто эмпирических открытий, должна привести даже самого упрямого эмпирика к осознанию диалектического характера процессов природы. Прежние неизменные противоположности и резкие, непреходимые разграничитель-

Гегеля, 1842, т. VII, стр. 98 и 113—115. *Ред.*] несколькими простыми уравнениями, мы находим снова, как результат новейшей математической механики, у Густава Кирхгофа («Vorlesungen über mathematische Physik», 2. Auflage, Leipzig, 1877, S. 10) [«Лекции по математической физике», изд. 2-е, Лейпциг, 1877, стр. 10. *Ред.*] и по существу — в той же, впервые развитой Гегелем, простой математической форме. Натурфилософы находятся в таком же отношении к сознательно-диалектическому естествознанию, в каком утописты находятся к современному коммунизму. [*Примечание Энгельса.*]

ные линии все более и более исчезают. С тех пор, как было достигнуто сжижение последних «истинных» газов, как было установлено, что тело может быть приведено в такое состояние, в котором капельно-жидкая и газообразная формы неразличимы, — агрегатные состояния потеряли последний остаток своего прежнего абсолютного характера. Когда кинетической теорией газов было установлено, что в совершенных газах квадраты скоростей, с которыми движутся отдельные газовые молекулы, обратно пропорциональны, при равной температуре, молекулярному весу, — теплота перешла прямо в разряд форм движения, которые непосредственно как таковые являются измеримыми. Если еще десять лет тому назад новооткрытый великий основной закон движения понимался лишь как простой закон *сохранения* энергии, как простое выражение того, что движение не может быть уничтожено или создано, т. е. понимался только с количественной стороны, то это узкое, отрицательное выражение все более вытесняется положительным выражением в виде закона *превращения* энергии, где впервые вступает в свои права качественное содержание процесса и стирается последнее воспоминание о внемировом творце. Теперь уже не нужно проповедывать как нечто новое, что количество движения (так называемой энергии) не изменяется, когда оно из кинетической энергии (так называемой механической силы) превращается в электричество, теплоту, потенциальную энергию положения и т. д., и обратно; мысль эта служит добытой раз навсегда основой гораздо более содержательного отныне исследования самого процесса превращения, того великого основного процесса, в понимании которого находит свое обобщение все познание природы. А с тех пор, как биологию стали разрабатывать в свете эволюционной теории, в области органической природы также начали исчезать одна за другой застывшие разграничительные линии классификации; с каждым днем множатся почти не поддающиеся классификации промежуточные звенья, более точное исследование перебрасывает организмы из одного класса в другой, и отличительные признаки, ставшие почти символом веры, теряют свое безусловное значение: мы знаем теперь, что существуют млекопитающие, кладущие яйца, и если подтвердится сообщение, то существуют и птицы, ходящие на четвереньках. Если уж много лет назад Вирхов вынужден был вследствие открытия клетки разложить единство животного индивида на федерацию клеточных государств, — что имело скорее прогрессистский¹, чем естественно-научный и диалектический характер, — то понятие животной (а следовательно, и человеческой) индивидуальности становится еще

¹ Намек на принадлежность Вирхова к либеральной «прогрессистской» партии. *Ред.*

гораздо более сложным после открытия белых кровяных клеток, амeboобразно передвигающихся в организме высших животных. Между тем именно эти, считавшиеся непримиримыми и неразрешимыми полярные противоположности, эти насильственно фиксированные, неподвижные разграничительные линии и отличительные признаки классов и придавали современному естествознанию его ограниченно-метафизический характер. Центральным пунктом диалектического понимания природы является признание той истины, что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, их воображаемая неподвижность и абсолютное значение привнесены в природу только нашей рефлексией. К диалектическому пониманию можно притти, будучи вынужденным к этому накапливающимся фактическим материалом естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру естественно-научных фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления. Во всяком случае естествознание подвинулось настолько, что оно не может уже избежать диалектического обобщения. Но оно облегчит себе этот процесс, если не будет забывать, что результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия и что искусство оперировать понятиями не есть что-либо врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю, столь же длительную, как и история эмпирического естествознания. Именно усвоив себе результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиной тысячелетий, оно избавится, с одной стороны, от всякой особой, вне его и над ним стоящей натурфилософии, с другой — от своего собственного, унаследованного от английского эмпиризма, ограниченного метода мышления.

Лондон, 23 сентября 1885 г.

III

Настоящее новое издание, за исключением некоторых очень незначительных стилистических изменений, является перепечаткой предыдущего. Только в одной главе, десятой главе второго отдела («Из критической истории»), я позволил себе сделать существенные дополнения, исходя именно из следующих соображений.

Как уже упомянуто в предисловии ко второму изданию, все наиболее существенное в этой главе принадлежит Марксу. В первой редакции, предназначенной для журнальной статьи, я вынужден был значительно сократить рукопись Маркса и как раз в тех частях, где критика дюринговских положений отсту-